

УДК 1:008(47)
ББК [83.3+ 87.3](2)522

Наталья Николаевна Смирнова

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы, Россия, Москва, e-mail: nnsmirnova@mail.ru

От «тайны» к «религии» прогресса (В.С. Соловьев и М.О. Гершензон)

Аннотация. Рассматривается влияние идей В.С. Соловьева на размышления М.О. Гершензона 1910–1920-х гг. о прогрессе, личности, кризисе культуры и войне. Утверждается преемственность взглядов двух мыслителей, при этом подчеркивается убежденность М.О. Гершензона в ключевом положении личности в развитии исторических процессов. Делается акцент на том, что личность у Гершензона – точка отсчета в системе координат, выстраивающей идею прогресса. Отмечается, что кризис культуры и война – стадии на пути прогресса, пренебрегающего личным, а именно прогресса научного знания, отвлеченного, узкоспециализированного, в котором личность отчуждается. Подчеркивается, что культурное наследие, не востребованное личностью как единичным сознанием и потому не усвоенное современным человеком, ставшее ценностью, не отвечающее индивидуальному запросу и поиску, превращает «тайну» в «религию», предмет личного духовного постижения в общеобязательный ритуал, отчуждающий личность от действия, смысл которого утрачивается. Отмечено, что между «тайной прогресса» В.С. Соловьева и «религией прогресса» М.О. Гершензона проходит целая эпоха, в которой война огненным вихрем сметает достижения цивилизации. Проанализированы все следствия утверждения М.О. Гершензона о том, что главная причина этого процесса – утрата личного (в том числе, личного поиска истины), превращение его в ценность в культуре. Делается вывод, что мировая война подорвала веру в прогресс как умножение ценностей в культуре; осмыслилась как следствие нарушения органической «сложности целой жизни», отчуждения ценности, личной по происхождению.

Ключевые слова: русская философия, «Тайна прогресса» В.С. Соловьева, «Религия прогресса» М.О. Гершензона, личность, кризис культуры, отчуждение, философия войны, Первая мировая война

Natalia Nikolaevna Smirnova

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Literary Theory, Russia, Moscow, e-mail: nnsmirnova@mail.ru

From the “Mystery” to the “Religion” of Progress (V.S. Solovyov and M.O. Gershenzon)

Abstract. The article discusses V.S. Solovyov’s influence on the reflections of M.O. Gershenzon in 1910–1920s about progress, personality, crisis of culture and war. The article affirms the thematic continuity of the views of the two thinkers and the conviction of M.O. Gershenzon in the key position

¹ © Смирнова Н.Н., 2022

Соловьёвские исследования, 2022, вып. 3(75), с. 19–32.

of personality in the development of historical processes. It is emphasized that personality is a reference point in the coordinate system that builds the idea of progress in M.O. Gershenzon's works. It is noted that the crisis of culture and the war are stages on the path of progress that neglects the personal, namely: the progress of abstract, highly specialized scientific knowledge in which the individual is alienated. The cultural heritage, which is not claimed by the individual as a single consciousness and therefore not assimilated by modern man, has become just a value that does not meet an individual request, turns 'mystery' into 'religion', an object of personal spiritual comprehension into obligatory ritual that alienates a person from action, the meaning of which is lost. Between Solovyov's "mystery of progress" and Gershenzon's "religion of progress" an entire epoch passes away, in which, as it seemed, war is no longer possible, but finally the war sweeps away the achievements of civilization with a fiery whirlwind. All the consequences M.O. Gershenzon's statement that the main reason for this process is the loss of the individual (including personal search for truth), its transformation into a value in culture, are analyzed in the article. It is concluded that the World War I undermined faith in progress as a multiplication of values in culture; it was comprehended as a consequence of the violation of the organic "complexity of a whole life", the alienation of a value that was personal in origin.

Key words: Russian Philosophy, V.S. Solovyov's "Mystery of Progress", M.O. Gershenzon's "Religion of Progress", Crisis of Culture, Philosophy of War, World War I

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.3.019-032

...Эта война вызвана молекулярными движениями
в миллионах отдельных сознаний.

М.О. Гершензон
«Кризис современной культуры»

Первая мировая война была одним из тех значительных событий, которые оставили след в мышлении целой эпохи. Важнейшие темы в интеллектуальном поле предвоенных лет – прогресс, кризис культуры, возможность/невозможность войны в современности – определяли процесс осознания человеком своей природы на протяжении целого столетия. При этом тема прогресса является одной из точек отсчета: к ней возвращались в самые судьбоносные исторические моменты.

В небольшой статье «Тайна прогресса» (1898 г.) Владимир Соловьёв, интерпретируя сказку об охотнике и старухе, просившей перенести ее через бурный ручей, говорит о задаче современного человека – «идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины»¹. Такой призыв видится философу первостепенным, поскольку «современный человек в охоте за беглыми, минутными благами и летучими фантазиями *потерял правый путь жизни*» (курсив наш. – Н.С.) [1, с. 557].

Впоследствии эта идея станет ключевой для М.О. Гершензона, поясняющего суть этих «минутных благ»: «...современный человек, увлекшись раз-

¹ См.: Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соловьёв В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. С. 557 [1].

дельным знанием и умением, *позабыл общий смысл своего жизненного дела*) (курсив наш. – Н.С.) [2, с. 109]. Приведенная фраза – итог притчи о сумасшедшем столяре из философского трактата «Тройственный образ совершенства», над которым Гершензон работал с начала 1910-х гг. и до конца своей жизни (первая его часть вышла в 1918 году). Сумасшедший столяр так долго оттачивал свое мастерство в изготовлении отдельных деталей, что постепенно, со временем, забыл о том целом, которому они должны были служить. («Годы шли, он все глубже вникал, все дальше дробил мастерство и хотя разучился делать целые столы и стулья, но продолжал совершенствоваться» [2, с. 109]).

В нарастании объемов раздельного, отвлеченного знания, лишаящего человека понимания *правого пути жизни* и *общего смысла жизненного дела* и, напротив, способствующего слепой вере в научную истину и бесконечно специализирующееся знание, современники видели развитие религии прогресса, что привело во втором десятилетии XX века к катастрофической по своей разрушительной силе войне.

Именно в этом русле рассуждает М.О. Гершензон в статье «Религия прогресса» (1916 г.), где и появляется образ «столярной работы», в которой целостному видению противопоставляется раздельное: «Война вышла оттуда, из недр человеческого духа; кто не предвидел взрыва, тот теперь должен был понять, откуда взрыв. Теперь все видят, что наука и техника и все создаваемое ими – только орудие духа, как топор в руке, что, стало быть, прогресс науки и техники еще не есть целостный прогресс, как наострить топор – не значит обеспечить исполнение столярной работы: для этого нужна еще целесообразная и умелая деятельность руки. И многие, быть может миллионы людей, начнут теперь понимать, что бесконечно важнейшее условие прогресса, т.е. подлинного прогресса, а не того, который прямым путем привел нас к катастрофе, – есть упорядочение воли в человеке; а она дисциплинируется не научным способом, – иначе она давно была бы благоустроена» [3, с. 210]. Ученый отмечал «...банкротство прогресса, основанного на знании»². А позже, в споре с Вяч. Ивановым в «Переписке из двух углов» (1921 г.), развивая свои идеи, высказанные еще в годы Первой мировой войны, указывал на кризисную ситуацию в культуре, основанной на раздельном знании.

Проблема в том, что и «тяжесть старины» как не востребованного единичным сознанием и потому не усвоенного современным человеком культурного наследия, ставшего ценностью, вещью в ряду вещей, не отвечающего индивидуальному запросу и поиску, превращает *тайну* в *религию*, предмет личного духовного постижения в общеобязательный ритуал, *отчуждающий* личность от действия, смысл которого утрачивается. Между «тайной прогресса»

² См.: Гершензон М.О. Религия прогресса // Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет /отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 (Серия «Российские Прописки»). С. 209 [3].

Соловьева и «религией прогресса» Гершензона безвозвратно проходит целая эпоха, в которой, как казалось, невозможная более война огненным вихрем сметает достижения цивилизации.

С точки зрения Гершензона, война – трагический и неизбежный стихийный этап в развитии человеческого духа, познающего себя в своих деяниях и таким образом организующего, регулирующего, упорядочивающего свои стремления. (Огненная природа человеческого духа и природа войны, *раздора*, который есть *отец всего*, впоследствии будет подробно исследована ученым в работе «Гольфстрем» (1922 г.), вдохновленной мыслью Гераклита.) Более того, культура всем своим арсеналом не может противостоять огненному вихрю, и напротив, если что и способствует взрыву и воспламенению огненной природы духа, так это как раз сама культура: «Чего стоят предвидения людей, даже самых мудрых, даже наиболее знающих! Двадцать лет тому назад Вл. Соловьев писал, что европейская война теперь “нравственно-невозможна” ... И вот, нравственно-невозможное, фактически-невероятное случилось, и есть, и утверждает себя. <...> Все здание современной культуры построено из горючих материалов. Потому что размеры, какие приняла война, не оставляют сомнения на этот счет: в современной культуре нет ничего, что остановило бы войну, – в ней нет ничего огнеупорного. Как лесной пожар беспрепятственно доходит до опушки, так эта война может кончиться только с истощением одной из воюющих сторон» [4, с. 203].

Следует напомнить, что В.С. Соловьев писал о невозможности войны в 1894 г.³ (данный текст вошел в книгу «Оправдание добра» (гл. 13 «Нравственная форма общественности»): «С тех пор пока люди разных народностей и общественных классов соединились духовно в поклонении *чужому нищему* галилеянину, которого как *преступника* казнили во имя национальных и кастовых интересов, *внутренно* подорваны международные войны, несправность общественных классов и казни преступников. Пусть этой внутренней перемене понадобилось восемнадцать веков ..., – все-таки эта перемена отношения к старым языческим устоям общества внутренне проникает душу человечества и все более и более обнаруживается в его жизни. Каковы бы ни были мысли отдельных людей, но как собирательное целое передовое человечество достигло той нравственной зрелости, того состояния сознания и чувства, которое начинает делать для него невозможным то, что было естественно для древнего мира. Да и для отдельных людей, не отказавшихся от разума, имеет свою обязательную силу, если не в форме религиозной веры, то в форме разумного убеждения, тот нравственный принцип, который не допускает узаконения собирательных преступлений» [4, с. 353]⁴.

³ См.: Соловьев В.С. Нравственные основы общества // Вестник Европы. 1894. № 12. С. 802–817 [5].

⁴ О динамике взглядов В.С. Соловьева на проблему войны см., в частности: Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «Смысл войны» // Соловьёвские исследования. 2019. № 3 (63). С. 32–58 [7].

Соловьев утверждает, что христианство создало прочное основание, делающее невозможным решение конфликтов военным путем, и это основание двойко: если не в сфере религиозной веры, то в сфере рационального. Гершензон утверждает обратное: «банкротство прогресса, основанного, на знании», на разуме, на нормах, из него исчисляемых – не просто ложный путь развития мира, это еще и закономерный путь развития культуры, в которой «нет ничего огнеупорного» (и в принципе не может быть), так как в культуре нет истины человеческого духа. Даже религиозное чувство в атмосфере современной культуры вырождается в отвлеченную ценность (об этом Гершензон писал в эссе «О ценностях» (1917 г.), которое вошло и в «Переписку из двух углов» и во вторую (неопубликованную) часть «Тройственного образа совершенства»)⁵.

Основное отличие в видении личности Соловьевым и Гершензоном – ключ и к пониманию роли прогресса. Так, с точки зрения Соловьева, в личности, поскольку она носитель добра, нет неразрешимого противоречия между стремлениями к обособлению и к всеобщему единству. При этом когда «всеобщее оправдание добра <...> станет на деле, исторически ясным всякому уму, тогда для каждого единичного лица останется только практический вопрос воли: принять для себя такой совершенный нравственный смысл или отвергнуть его. Но пока еще конец, хотя и близкий, не наступил, <...> возможно еще теоретическое сомнение, неразрешимое в пределах философии нравственной или практической...» [6, с. 547]. Соответственно, и проблема зла имеет решение только в теоретической философии, в области «учения о познании» [6, с. 547]⁶. Для Гершензона зло есть одно из проявлений личной воли как необходимое условие развития жизни, творческой способности. Решение проблемы зла должно было бы быть не в теоретической сфере, а именно в практической – нахождением способов «упорядочения воли». Однако в

⁵ См.: Гершензон М. О ценностях // Ветвь. Сборник клуба московских писателей. М.: Северные дни, 1917. С. 285–190 [8].

⁶ Об этике и единичной личности у В.С. Соловьева см. в частности: Буллер А. «Этика чувств» Владимира Соловьева в контексте европейской философской мысли // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 66–82 [9]; Евлампиев И.И. Жизненная драма Владимира Соловьева // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 127–138 [10]; Краснова А.Г. В.С. Соловьев о динамике религиозного сознания // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 4(64). С. 71–82 [11]; Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998. 242 с. [12]; Максимов М.В. Метафизические основания историософии Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 1(1). С. 47–57 [13]. См. также: Allen P.M. Vladimir Soloviev: Russian Mystic. N.Y.: Steinerbooks; Great Barrington, MA, Lindisfarne Books, 2008. 448 p. [14]; Valliere P. Vladimir Soloviev (1853–1900). In The Teachings of Modern Orthodox Christianity on Law, Politics, and Human Nature / ed. John Witte Jr, Frank S. Alexander. intro. Paul Valliere. New York: Columbia University Press, 2007. P. 33–105 [15]; Obolevitch T. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford University Press. P. 73–85 [16]; Navickas J.L. Hegel and the Doctrine of Historicity of Vladimir Solovyov // The Quest for the Absolute / ed. Frederick J. Adelman. The Hague: M. Nijhoff, 1966. P. 135–154 [17]; Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter. Boston, MA: Academic Studies Press, 2010. 250 p. [18].

этом упорядочении личность несет непоправимый урон своей уникальности и ее законное сопротивление усложняет поступательное движение к чаемому совершенству мира. И если, по Соловьёву, прогресс осуществляется разумным движением к концу истории, то для Гершензона механизмы такого движения абсолютно иррациональны.

Воля несет в себе творческое и неизбежно разрушительное начало. Ее упорядочение научными методами невозможно. Как подчинить ее сверхчувственному знанию, его регулятивному началу? Над этим вопросом Гершензон размышляет всю жизнь. И первые подступы к этой теме есть уже в его записях рубежа веков. Трагические события Первой мировой войны в очередной раз возвращают к этим размышлениям. Проблема в том, что «...обузданный дух оказывался бессильным, неспособным к творчеству; разумность и справедливость обессиливали дух. <...> Только страсть и хотение – движущее начало истории, но страсть беззаконна: как сделать, чтобы хотение осталось страстным, но сделалось сознательным и способным соблюдать меру?» [19, с. 200]. М.О. Гершензон не находит удовлетворительного ответа, как именно следует соблюдать меру. И главный вопрос, который в этой связи возникает: может ли человек *сознательно* упорядочить в себе движение мировой воли, нейтрализовав ее взрывоопасный потенциал? Разрушение – плата за творческую способность. Главное, что можно сказать, – эта сила не подвластна *сознательному* регулированию.

Важно обратить внимание на то, что огненная и взрывоопасная природа духа есть проявление воли (в том числе, и как «подлинного хотения»), но лишь *неупорядоченное*. Более того, это начало выступает как «единая мировая воля», точнее, это она и есть – божественное начало («Бог-мир» в человеческом духе), как оно впоследствии будет выражено в книге «Ключ веры»: «Беспримерная война показала, что наука способна регулировать только подчиненные ряды, но и сама она, и все подвластное ей всецело управляются иными силами, что, как бы ни совершенствовались научное познание и научная техника, власть принадлежит этим силам, которые в любую минуту по воле своей могут послать науку и технику, как рабынь, на самое злое дело, на разрушение всего, что создано прогрессом. То могучие и тайные силы человеческой воли, которыми действует в человеке единая мировая воля» [3, с. 210].

Но война – не просто стихийная неизбежность взрыва накопившейся энергии, не просто выброс ее за пределы бытия, уничтожение излишка; здесь была бы самая непродуктивная, нетворческая, «ненормальная» (в смысле «регулятивного начала») часть происходящего⁷.

В этом взрыве велика преобразовательная сила (свойственная не только войне, но и последовавшей за ней революции), сила, посредством которой

⁷ См.: Гершензон М.О. Письма к брату // Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 22 [20].

осуществляется творчество истории. «Два дела, кажется мне, стоят теперь неотступно перед культурным человечеством: дело нового религиозного сознания и дело социальной справедливости. <...> Кризис мировоззрения и чувство социальной неправды ... неразрывно связаны друг с другом: они оба коренятся в личности, в единичном духе; в обоих случаях срок и смысл решения одинаково будут определены достаточным накоплением индивидуально-различных, но однородных переживаний» [21, с. 166, 167, 168] (курсив наш. – Н.С.). И далее, знаменитый вывод, который впоследствии, в 1917 году, в новой редакции прозвучит в докладе «Кризис современной культуры» (обращаем внимание, что эти слова были написаны еще задолго до начала Первой мировой, в марте 1913 г.)⁸: «Я не знаю, как чувствуют историю другие; для меня же нет зрелища более поразительного, нежели эта связь между всемирно-историческими событиями и переживаниями индивидуальной души. <...> Каждая минута одинокого раздумья о смысле жизни, которому предается студент в своей комнате, каждое ощущение обиды в душе рабочего – суть слагаемые великого итога, который в урочный час неукоснительно подведется – реформой, революцией, войною» [21, с. 168].

Надо сказать, что в академических кругах Германии тема кризиса мировоззрения, и шире – кризисного пути развития культуры, к началу Первой мировой войны уже получила широкое распространение⁹. «На фоне внешнего прогресса резко проявилась внутренняя беспомощность, – отмечал исследователь этого периода Фриц Рингер – психолог Вильям Штерн утверждал, что лишь прочное и целостное мировоззрение (*Weltanschauung*) позволит его соотечественникам овладеть новыми технологиями, не лишаясь гуманности. В XIX веке *Weltanschauung* пренебрегали; следствием этого стали прискорбная поверхностность, утрата ориентиров, нестабильность цивилизации, *fin de siècle*» [24, с. 303]. И все это на фоне успешно развивающегося технического прогресса, бесконечной специализации труда, за которой уже не видно фундаментальных ценностей существования, единого «смысла жизненного дела». В целом кризис культуры рассматривался как процесс неуклонного отчуждения между творческим началом субъективного духа и объективацией его порожде-

⁸ См.: Смирнова Н.Н. М.О. Гершензон: революция и банкротство культуры // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 494–501 [22].

⁹ Параллель эта имеет место ввиду двух очевидных причин: мнение, что развитие немецкой философии в конечном счете приводит к мировой войне, к тому времени стало почти общим местом; с другой стороны, известна значительная степень экспансии ключевых тем немецкой философии рубежа XIX–XX вв. на русской почве (см.: Куренной В. Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник: сб. материалов / под ред. Н.С. Плотникова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 67–68 [23]).

ний, от которых он отчуждается. Об этом много писал Георг Зиммель, оказавший неоспоримое влияние на русскую философию рубежа веков¹⁰.

В этом смысле интересна интерпретация Гершензоном *отчуждения* (термина этого он не использует, говорит об *отвлечении*, *абстракции* ценности, личной по происхождению, в процессе ее присвоения общественными институтами), поскольку именно оно, как и в марксистской трактовке, приводит к революционным изменениям. В своих философских штудиях он следует в основном гегелевской традиции понимания отчуждения как движения мирового разума вовне¹¹. Трагическое противоречие творчества между видением и его объективацией в интерпретации Гершензона обнаруживает близость соответствующей концепции Г. Зиммеля. Однако понимание социальных следствий отчуждения (от-влечения) ценности от породившей ее личности (и, следовательно, забвения личностной природы ценности) выстраивается в русле конфликта мировой воли и единичного человека, вынужденного служить отвлеченной идее, что проблематизирует отношение личности и общности (в этом контексте «человек» и «личность» у Гершензона – синонимы): «Человек живет отдельно, заботится только о себе да о близких своих и вовсе не думает, что от его поведения в некоторой степени зависит целое, что он несет ответственность за судьбы своего народа и за ход истории, и я полагаю, что в общем это правильно. Разве лучше было бы, если бы каждый сознавал повседневно свою причастность к общему делу? Такое сознание обязывало бы; оно связывало бы человека и неминуемо приводило бы его на службу определенной идее. Может быть в нормальных условиях для целого выгоднее как раз оставить личность на свободе, давать простор ее самочинной игре. Ведь целому не к спеху, а в личной свободе – огромное напряжение и бездна находчивости. Все великое рождается в личности свободной, обращенной на самое себя» [29, с. 19]¹² (курсив наш. – *Н.С.*). Война, как и революционный взрыв, по мысли Гершензона, есть

¹⁰ См.: «Субъективная и объективная культура» (1900 г.), «Понятие и трагедия культуры» (1911 г.), «Кризис культуры» (1917 г.), «Конфликт современной культуры» (1921). См.: Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 269–294; 307–331 [25]. В России о проблеме объективации ценности много размышлял Н. Бердяев, несмотря на то, что в целом не разделял взглядов о радикальном кризисе культуры (см. напр.: Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916. 358 с. [26]; Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, YMCA-Press, 1939. 224 с. [27]).

¹¹ Таково взаимоотношение Бога-мира и человека в его книгах «Тройственный образ совершенства» (1918 г.) и «Ключ веры» (1922 г.). См. об этом: Смирнова Н.Н. «Связь забвения с воспоминанием». Видение поэзии в трудах М.О. Гершензона. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 208 с. [28].

¹² Ср.: «Что было во мне потребностью сердца, объявлено моим освященным долгом, взято из моих рук, как любимое, – и поставлено надо мною, как миропомазанник» – между тиранией ценностей и тиранией социально-политической связь непосредственная. Недаром раздел в эссе «О ценностях», посвященный этой теме так и озаглавлен: «Революция» (см.: Гершензон М. О ценностях // Ветвь: сборник клуба московских писателей. С. 289).

конфликт общности и свободной личности, ищущей свою истину, не желающей служить ее отвлеченной копии.

Другая сторона отчуждения проявляется в том, что отвлеченные и объективированные ценности подлежат бесконечному тиражированию в культуре, и тогда духовная ценность становится той же вещью в ряду вещей массового производства. Отправная точка мысли Гершензона выражена в «Тройственном образе совершенства» (1918 г.): «Творчество рождается из неодолимой потребности личного духа воплотить идеальный образ, стихийно зачатый в нем, и через то обрести покой» [2, с. 86]. Но вместо этого современное производство понуждает к бесконечному движению-повторению, тиражированию одного и того же, в чем «личный дух» не находит искомого образа, но лишь вечно принужден к серии бессмысленных повторений. Хотя изначально творчество есть неотъемлемая часть *самопознания*, но «теперь один акт творчества приходится на миллиарды повторений; производство уже не учит, а отупляет»¹³. Более того, такое массовое производство не отвечает подлинным запросам личности, постоянно создавая ложные потребности, заставляя забыть об истинных: «Производство перестало быть нормальным питанием духа – оно питает насильственно, форсируя слабую потребность или будя еще спящую. Оно одолевает мир и до времени растлевает человечество» [2, с. 86]¹⁴.

Коварство «растлевающего» влияния зарождающегося общества потребления было бы бессильно, если бы бесконечное создание новых (и не истинных) потребностей не отвечало хотя бы одному из важнейших запросов «личного духа», а именно поиску в вещи своего индивидуального образа красоты, совершенства. Правда, поиск этот осуществляется вхолостую, так как «для того, чтобы вещь продавалась в большом количестве, она должна удовлетворять большое число людей, то есть необходимо, чтобы возможно многие узнавали в предлагаемой вещи свою собственную преднамеренность и свой образ красоты. Поэтому в современных вещах отсутствуют все тонкие оттенки индивидуального сознания и вкуса; пред ними я – не личность, не единственный, а любой из обширной группы людей» [2, с. 89]. Это обезличивание порождает вовсе не солидарность подобных друг другу, а отчуждение личности от самой себя и, как следствие, от себе подобных. Не видя себя и своего образа совершенства, личность не в состоянии разглядеть его и в других. Именно поэтому дух так легко воспламеняется и одним взрывом уничтожает все обезличивающие инструменты культуры.

Первый протест против общества потребления – это взрыв гигантской разрушительной силы изнутри самого общества, вызванный неутомимой работой мирового духа в личности каждого человека, ошущающего на себе гнет

¹³ См.: Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства. С. 86.

¹⁴ В этой связи многие идеи Гершензона предвосхищают тезисы В. Бенямина, выдвинутые им в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936 г.).

обезличивающей культуры. Именно так этот взрыв осознавался современниками в те годы. В докладе «Кризис современной культуры» (1917 г.) читаем: «Оказывается, научный прогресс нисколько не облагородил человека? <...> Европейец, по уши погруженный в меркантильность, в сноровку и техничность, не только не испугался за свои дорогостоящие и красивые игрушки, – за свои фабрики, конторы и банки, – но моментально, едва раздался зов мировой трубы, словно очнувшись от гипноза, даже с какой-то готовностью повернулся спиной к быту и пошел, куда звала труба. Человек познает себя больше всего в своих проявлениях: сделав, видишь себя впервые в содеянном, как в зеркале» [29, с. 12–13]¹⁵.

Возвращаясь к теме прогресса, связываемой со стадийностью развития культуры и неизбежностью ее кризисов, а также к интерпретациям этих процессов Соловьёвым и Гершензоном, нельзя не вспомнить видение прогресса у Вальтера Беньямина уже из 1940 года (через его толкование картины Пауля Клее *Angelus Novus*, 1920 г.): то, что мы называем прогрессом, – это шквалистый ветер, сметающий как песчинки всю тяжесть старины, обломки прошлого, безвозвратно уносимые его порывами¹⁶. Трагический взгляд в прошедшее Ангела Истории, также уносимого этим ветром, не в состоянии собрать обломки в целостность, даже воображаемую.

Однако в конце XIX и в первой четверти XX века еще были смутные надежды на возрождение религиозного чувства, на возрождение свободы личности, гарантирующей целостность мира. По В.С. Соловьёву, тайна прогресса в продвижении по пути истории с полностью сохранным наследием прошлого. М.О. Гершензон видел в этом проблему, поскольку с утратой единичного, личного, в множасьем, усваиваемом социальными институтами культурном наследии утрачивается и преемственность исторического: «Все великое рождается в личности свободной, обращенной на самое себя. Спиноза создал свою философию не за тем, чтобы содействовать нравственному совершенствованию человечества, а потому что искал для самого себя определить, как ему прожить свою земную жизнь, и Рафаэль себе давал отчет в своем постижении божества, когда писал Сикстинскую Мадонну, а Толстой, всю жизнь делавший только свою эгоистическую работу, вовсе и не скрывал этого, но так прямо и сказал: “Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть”. Личная жизнь неизбежно сама внесет свою долю в общий итог, но пусть это участие будет ее свободным результатом, а не скудным плодом преднамеренного расчета. В такие органические дела, как сложность целой жизни, не следует вносить рассудочность» [29, с. 19–20].

¹⁵ Напоминаем, что в основе доклада – многочисленные статьи и заметки, опубликованные М.О. Гершензоном в периодической печати в 1915–1916 годах.

¹⁶ См.: Беньямин В. О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 242 [30].

Таким образом, война осмыслялась в первой четверти XX века как неизбежное трагическое следствие нарушения *органической сложности целой жизни*, плата за обезличение человека, но также и как стихийное начало новых преобразований, как пробуждение самосознания. Мировая война подорвала веру в прогресс как движение истории, сохраняющее и умножающее богатства культуры; отвлечение, отчуждение ценности, зародившейся в личности, ставит под вопрос смысл такого движения.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Тайна прогресса // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. С. 556–557.
2. Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства // Гершензон М.О. Избранное. В 4 т. Т. 4. М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 63–114.
3. Гершензон М.О. Религия прогресса // Гершензон М.О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. (Серия «Российские Пропилеи»). С. 207–211.
4. Гершензон М.О. Закон Фехнера // Гершензон М.О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 203–206.
5. Соловьев В.С. Нравственные основы общества // Вестник Европы. 1894. № 12. С. 802–817.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. С. 47–548.
7. Межуев Б.В. Движение вправо: Вл. Соловьев и его «Смысл войны» // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 3(63). С. 32–58.
8. Гершензон М. О ценностях // Ветвь: сборник клуба московских писателей. М.: Северные дни, 1917. С. 285–190.
9. Буллер А. «Этика чувств» Владимира Соловьева в контексте европейской философской мысли // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 66–82.
10. Евлампиев И.И. Жизненная драма Владимира Соловьева // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 127–138.
11. Краснова А.Г. В.С. Соловьев о динамике религиозного сознания // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 4(64). С. 71–82.
12. Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998. 242 с.
13. Максимов М.В. Метафизические основания историософии Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 1(1). С. 47–57.
14. Allen P.M. Vladimir Soloviev: Russian Mystic. N.Y.: Steinerbooks; Great Barrington, MA, Lindisfarne Books, 2008. 448 p.
15. Valliere P. Vladimir Soloviev (1853–1900). In The Teachings of Modern Orthodox Christianity on Law, Politics, and Human Nature / ed. John Witte Jr, Frank S. Alexander. intro. Paul Valliere. New York: Columbia University Press, 2007. P. 33–105.
16. Obolovitch T. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 73–85.
17. Navickas J.L. Hegel and the Doctrine of Historicity of Vladimir Solovyov // The Quest for the Absolute / ed. Frederick J. Adelman. The Hague: M. Nijhoff, 1966, pp. 135–154.
18. Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter. Boston, MA: Academic Studies Press, 2010. 250 p.

19. Гершензон М.О. Сказка и быль // Гершензон М.О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 199–202.
20. Гершензон М.О. Письма к брату // Гершензон М.О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 13–29.
21. Гершензон М.О. На разные темы // Гершензон М.О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 147–189.
22. Смирнова Н.Н. М.О. Гершензон: революция и банкротство культуры // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 494–501.
23. Куренной В. Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник: сб. материалов / под ред. Н.С. Плотникова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 13–72.
24. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
25. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 392 с.
26. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916. 358 с.
27. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-Press, 1939. 224 с.
28. Смирнова Н.Н. «Связь забвения с воспоминанием». Видение поэзии в трудах М.О. Гершензона. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 208 с. (Серия «Humanitas»).
29. Гершензон М.О. Кризис современной культуры // Гершензон М.О. Избранное. В 4 т. Т. 4. М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 7–20.
30. Беньямин В. О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 237–253.

References

(Sources)

Collected Works

1. Ben'yamin, V. O ponyatii istorii [On the Concept of History], in Ben'yamin, V. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [The doctrine of similarity. Mediaaesthetic works]. Moscow: RGGU, 2012, pp. 237–253.
2. Berdyayev, N.A. *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of the Creative Act]. Moscow: G.A. Leman i S.I. Sakharov, 1916. 358 p.
3. Berdyayev, N.A. *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and Freedom]. Paris: YMCA-Press, 1939. 224 p.
4. Gershenzon, M.O. *Krizis sovremennoy kul'tury* [Crisis of Modern Culture], in Gershenzon, M.O. *Izbrannoe v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow; Ierusalim: Universitetskaya kniga, Gesharim, 2000, pp. 7–20.
5. Gershenzon, M.O. *Troystvennyy obraz sovershenstva* [Triple Image of Perfection], in Gershenzon, M.O. *Izbrannoe v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow; Ierusalim: Universitetskaya kniga, Gesharim, 2000, pp. 63–114.
6. Gershenzon, M.O. *Religiya progressa* [Religion of Progress], in Gershenzon, M.O. *Demony glukhonemye. Stat'i, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Collected Works]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, pp. 207–211.

7. Gershenzon, M.O. Zakon Fekhnера [Fechner's Law], in Gershenzon, M.O. *Demony glukhonemye. Stat'i, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Collected Works]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, pp. 203–206.
8. Gershenzon, M.O. Skazka i byl' [Fairy Tale and True], in Gershenzon, M.O. *Demony glukhonemye. Stat'i, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Collected Works]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, pp. 199–202.
9. Gershenzon, M.O. Pis'ma k bratu [Letters to Brother], in Gershenzon, M.O. *Demony glukhonemye. Stat'i, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Collected Works]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, pp. 13–29.
10. Gershenzon, M.O. Na raznye temy [On Different Topics], in Gershenzon, M.O. *Demony glukhonemye. Stat'i, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Collected Works]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, pp. 147–189.
11. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra [Justification of the Good], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Collected Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 47–548.
12. Solov'ev, V.S. Tayna progressa [Mystery of Progress], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 556–557.
13. Zimmel', G. *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Collected Works. Contemplation]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2014. 392 p.

Individual Works

14. Gershenzon, M.O. O tsennostyakh [On values], in *Sbornik kluba moskovskikh pisateley «Vetv'»* [Branch: collection of the Moscow Writers Club]. Moscow: Severnye dni, 1917, pp. 285–190.
15. Solov'ev, V.S. Nravstvennye osnovy obshchestva [Moral basis of society], in *Vestnik Evropy*, 1894, no. 12, pp. 802–817.

(Articles from Scientific Journals)

16. Buller, A. «Etika chuvstv» Vladimira Solov'eva v kontekste evropeyskoy filosofskoy mysli [Vladimir Solovyov's "Ethics Of Feelings" in the context of european philosophical thought], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 2(62), pp. 66–82.
17. Evlampiev, I.I. Zhiznennaya drama Vladimira Solov'eva [Life drama of Vladimir Solovyov], in *Voprosy filosofii*, 2011, no. 2, pp. 127–138.
18. Krasnova, A.G. V.S. Solov'ev o dinamike religioznogo soznaniya [V.S. Solovyov on the dynamics of religious consciousness], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 4(64), pp. 71–82.
19. Maksimov, M.V. Metafizicheskie osnovaniya istoriosofii Vl. Solov'eva [Metaphysical foundations of historiosophy Vl. Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2001, issue 1(1), pp. 47–57.
20. Mezhuiev, B.V. Dvizhenie vpravo: Vl. Solov'ev i ego «Smysl voyny» [Moving right: Vladimir Soloviev and his "The Meaning Of War"], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 3(63), pp. 32–58.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

21. Kurennoy, V. Filosofskiy proekt «Logosa»: nemetskiy i russkiy kontekst [The philosophical project of Logos: German and Russian context], in *«Logos» v istorii evropeyskoy filosofii: Proekt i pamyatnik. Sbornik materialov* ["Logos" in the History of European philosophy: Project and monument. Collection of materials]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2006, pp. 13–72.
22. Navickas, J.L. Hegel and the Doctrine of Historicity of Vladimir Solovyov, in *The Quest for the Absolute*. The Hague: M. Nijhoff, 1966, pp. 135–154.
23. Smirnova N.N. M.O. Gershenzon: revolyutsiya i bankrotstvo kul'tury [M.O. Gershenzon: The Revolution and "Bankruptcy of culture"], in *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya*

i kontseptsii, posledstviya i pamiat' [The Revolution of 1917 in Russia: events and concepts, consequences and memory]. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2017, pp. 494–501.

24. Valliere, P. Vladimir Soloviev (1853–1900). In *The Teachings of Modern Orthodox Christianity on Law, Politics, and Human Nature*. New York: Columbia University Press, 2007, pp. 33–105.

(Monographs)

25. Allen, P.M. *Vladimir Soloviev: Russian Mystic*. N.Y.: Steinerbooks; Great Barrington, MA: Lindisfarne Books, 2008. 448 p.

26. Maksimov, M.V. *Vladimir Solov'ev i Zapad: nevidimyy kontinent* [Vladimir Solovyov and the West: the invisible continent]. Moscow: Prometey, 1998. 242 p.

27. Obolevitch, T. *Faith and Science in Russian Religious Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 220 p.

28. Ringer, F.K. *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 648 p.

29. Smirnova, N.N. «Svyaz' zabveniya s vospominaniem». *Vúdenie poezii v trudakh M.O. Gershenzona* [“Relationship between oblivion and remembrance”. Vision of poetry in the works of M.O. Gershenzon]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018. 208 p.

30. Smith, O. *Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2010. 250 p.